

организации и экономическому базису сообщества.

Предпосылки к образованию городских поселений складываются в регионе к рубежу IX–X вв., до этого времени единственным подлинно городским центром Юго-Западной и Южной Таврики оставался Херсон. Ранние города формировались на основе двух групп догородских поселений. Первую составляли заложенные в ранневизантийское время укрепленные пункты во внутренних районах нагорья Юго-Западного Крыма, характерные для окраинных горных провинций Византии, населенных варварами-федератами. На протяжении X–XIII вв. в городские поселения трансформируются Эски-Кермен, Бакла, Тепе-Кермен. Ко второй группе относятся приморские центры, Алушта, Партенит, Гурзуф и, предположительно, Балаклава. Алушта и Гурзуф оформляются как городские пункты на основе крепостей эпохи Юстиниана I, Партениту предшествует приморское сельское поселение или группа таковых.

Образование городских поселений становится результатом преобразований хозяйственно-экономического, политического, этноисторического плана, имевших место в регионе к исходу раннего средневековья. Относительная политическая стабильность VIII в. способствует увеличению количества поселений, росту основных отраслей сельского хозяйства Таврики, оживлению рынка. Имеющиеся археологические данные свидетельствуют о развитии местного ремесленного производства, активном процессе выделения ремесла из общехозяйственного комплекса. Непрерывающаяся деятельность по восстановлению политического влияния Византии в регионе на рубеже IX–X вв. приводит к интеграции населения местных общин, климатов и архонтий в общегосударственные административные структуры. Укрепляются торгово-экономические и культурные связи с центрами империи, в которых наряду с Херсоном задействованы и порты крымского южного побережья. На рубеже IX–X вв., в основном, завершается христианизация региона, его территория входит в состав Готской епархии. Формирующиеся городские поселения обретают функции религиозных центров, о чем свидетельствует активное строительство культовых сооружений. Религиозное

единство выступает мощным фактором этнической идентификации местного населения.

Общее направление синхронных градообразующих этнических процессов можно определить как этноконфессиональную интеграцию, ведущую к формированию средневековой народности горного Крыма, этнической общности объединенной христианской религией и, в различной мере воспринятой, греческой культурой. Данный процесс, по-видимому, находится в тесной связи с образованием городских поселений, способствуя преодолению традиций племенного расселения, характерной для раннесредневековой Юго-Западной Таврики. Для городских некрополей X–XIII вв. этническая дифференциация погребенных, исходя из археологических материалов и особенностей обряда погребения, в большинстве случаев становится невозможной. При этом привлечение антропологических данных показывает весьма сложную картину формирования городского населения региона, выявляются по меньшей мере три исходных морфологических типа и многочисленные свидетельства метисационных процессов.

Обладавшее безусловным местным своеобразием, градообразование в рассматриваемом регионе, справедливо рассматривать в комплексе с общевизантийским процессом становления и последующего расцвета малых провинциальных городов в X–XIII вв. Для городских поселений в глубинных районах полуострова в качестве структурообразующей функции выступает военно-административная, для городов формировавшихся на побережье — торгово-транзитная. Процесс становления городских поселений Юго-Западной и Южной Таврики проходил на фоне прогрессирующей этнокультурной гомогенизации рассматриваемых территорий.

Первый период урбанизации в регионе прерывается на исходе XIII в. вторжением орд Ногай. Городские поселения подвергаются разгрому, повлекшему гибель раннегородских центров во внутренних районах нагорья. Последующий этап градообразования охватывает нач. XIV–посл. четв. XV вв. Он связан со становлением и последующим взаимодействием автономных политико-административных образований на Крымском полуострове.

М. К. Кеда (Чернигов)

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПЕТРОВА

История Византии занимает достойное место в курсе «Лекций по всемирной истории» М. Петрова, который впервые был издан после смерти автора, в 1888 году.

Обзор истории Византии в контексте средневековой истории представляет несомненный интерес для исследования его концепции всемирной истории.

Основное внимание историк уделяет политической истории и излагает ее в основном в духе

традиций западного византиноведения. С июля 1850 по июль 1860 г. М. Петров находился в научной командировке в Германии, Англии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, где изучал новейшие исследования по средневековой истории, в том числе и Византии. Непосредственное знакомство с видными европейскими историками не могло не сказаться на его взглядах. Так, в Мюнхене он познакомился с Г. Зибелем¹, вслед за которым критиковал представ-

ление о крестоносцах как об идейных защитниках Византии. Несмотря на то, что именно в 70-х—начале 80-х годов вышли работы русских византинистов по аграрной истории Византии², М. Петров уделяет мало внимания этому аспекту. Это можно объяснить тем, что исходным положением его исторической концепции является представление об истории как о процессе развития и совершенствования человеческой образованности. Как следствие — внимание к вкладу Византии именно в сферу культуры.

В оценке истории Византии М. Петров высказывает часто противоречивые взгляды. С одной стороны, он считает Византию «долго и упорно разлагавшимся государством»³, что напоминает концепцию Эдуарда Гиббона, похожую внешне по форме, но с несколько иным содержанием. В основе подхода Гиббона к истории Византии лежит идея о тысячелетнем упадке Римской империи в результате плохих законов и негативного влияния христианства⁴. М. Петров считает, что «нигде не было таких разумных, научно-выработанных законов как кодекс Юстиниана, как «Базилики» Василия Македонянина»⁵. Историк поддерживает идею немецкой «исторической школы права» об эволюции римского правового наследия в Европе, впервые предложенную К. Ф. Савиньи. Харьковский исследователь считает заслугой Византии то, что она передала европейским народам систематический свод римского права, «послужившего образцом и в некоторых отношениях и основанием для всех почти европейских законодательств»⁶. В отношении христианства он писал о прогрессивной его роли по сравнению с язычеством⁷, но при этом отмечал глубокий нравственный кризис, упадок морали, как один из «неизлечимых недугов» империи⁸. «Задатками неминуемого разрушения» «дряхлого государства» у М. Петрова выступают такие факторы: «вечные дворцовые перевороты, своеволие наемников, необузданность церковных и политических партий, экономическое истощение»⁹. Кроме того, он приводит еще много причин кризиса Византии: неустроенность политической системы с неопределенностью порядка престолонаследования, деспотизмом правительства, наемными войсками, чрезмерными налогами и хищным чиновничеством. В конце концов все многообразие этих факторов М. Петров сводит к двум основным: «бесчисленным внутренним переворотам» и «ударам внешних врагов».

Причиной продолжительного существования Византийской империи М. Петров называет «неистощимую силу» старой античной культуры. Одним из факторов, определенное время поддерживающих Византию, он называет «процветание промышленности»¹⁰. Кроме того, он подчеркивает развитость административного аппарата, а также то, что в Византии не наблюдалось характерное для раннего средневековья на За-

паде падение городской жизни. Чуть позже эти идеи особенно активно развивал Ш. Диль¹¹.

М. Петров представлял либеральное направление русской историографии. Он отстаивал идею единства принципиальных закономерностей исторического развития Востока и Запада. В утверждении этих представлений в науке в 40–50-е годы огромную роль сыграл Т. Грановский¹². Из русских «всеобщников» М. Петров во многом повторил именно его оценку. Рассматривая роль славян в истории Византии, он, подобно Т. Грановскому, находился под влиянием работ мюнхенского профессора Я. Ф. Фальмерайера. Харьковский историк несколько переоценил значение славянского элемента. Он считает, что в результате «завоевательной славянской колонизации» «империя, носящая все еще имя римской, по племенному составу своему делается державою столько же варварской, сколько и греческой»¹³. Однако он замечает, что «славянская стихия не сделалась здесь господствующей», но «подновила своими свежими силами выродившуюся кровь туземного фрако-иллирийского населения»¹⁴. Он придерживается версии о славянском происхождении Юстиниана¹⁵.

Для М. Петрова характерно, таким образом, абсолютно положительное отношение к вкладу Византии во всемирную историю и культуру. Еще большее значение, по мнению М. Петрова, в ходе истории имела Византия в средние века. «Страна эта, — писал историк, — была живым учителем средневековой Европы», причем не только восточной, но и западной его половины»¹⁶. Недостатками его концепции истории Византии является общая поверхностная ее разработка. Взгляды М. Петрова на некоторые проблемы были устаревшими уже на то время. Однако несомненной его заслугой можно считать рассмотрение истории Византии как органической составной всемирной истории. М. Петров дал целостный краткий очерк истории Византии в рамках истории Восточной Европы и в тесной связи с историей не только славян и арабского мира, но и других народов. Особенно он подчеркивал влияние византийского культурного наследия на средневековую историю славян и арабов.

Примечания:

¹ Деревницкий А. Михаил Назарович Петров. Страница из истории Харьковского университета. Биографический очерк. — Харьков: Издание книжного магазина Д. Н. Полуехтова, 1887. — 36 с. — С. 22.

² Очерки истории исторической науки в СССР. В 2 т. Т. 2. /Под ред. М. В. Нечкиной. — М.: АН СССР, 1960. — 862 с. — С. 511.

³ Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. Т. 2. История средних веков. — Часть 1. Период первый. Время происхождения новых государств Европы и Азии. — Изд. 2-е обраб. и доп. А. С. Вязигиным. — СПб.: В. Березовский, 1906. — С. 106.

- ⁴ Курбатов Г. Л. История Византии. Историография. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. — 256 с. — С. 40.
- ⁵ Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 108.
- ⁶ Там же. — С. 94.
- ⁷ Петров М. Н. Из всемирной истории. Очерки. — Изд. 2-е. — Х.: Типография Окружного Штаба, Немецкая, № 26, 1882. — С. 3.
- ⁸ Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 109.
- ⁹ Там же. — С. 106.

- ¹⁰ Там же. — С. 108.
- ¹¹ Диль Ш. Основные проблемы Византийской истории. — М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. — 184 с.
- ¹² Курбатов Г. Л. История Византии. — С. 75.
- ¹³ Петров М. Н. Лекции по всемирной истории. — Т. 2. — Ч. 1. — С. 101.
- ¹⁴ Там же. — С. 102.
- ¹⁵ Там же. — С. 101.
- ¹⁶ Там же. — С. 94.

Р. В. Костенко (Одесса)

ТУРЕЦКИЙ ХАДЖИБЕЙ-СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК ОДЕССЫ

Легенд о древнем Хаджибее накопилось великое множество, число же достоверных сведений о нем — свидетельств очевидцев — крайне мало. Их легко перечислить. Первое упоминание о нем принадлежит польскому историку Яну Длугошу, который в конце XV века сообщает, что в 1415 г. польский король отправил из Хаджибея два корабля с зерном. Можно только предполагать, что этот «город» находился где-то на месте нынешней Одессы. Еще менее определенны свидетельства следующего «очевидца» Мартина Броневского — в 1578 г. он видит развалины какого-то Качибей где-то в устье Днестра. Развалины примерно такого же качества, но на морском берегу, «в 15 часах от устья Барабоя и в 14 часах от устья Тилигула», описывает в 1656 г. турецкий путешественник Эвлия Челеби. В 1709 г. шведский генерал Адлерфельд, один из спутников Карла XII и Мазепы, бежавших из-под Полтавы, упоминает в своих «Записках» «ничтожную татарскую деревушку» где-то в районе устьев нынешних Хаджибея и Куяльника.

Ничего более внятного о Хаджибее мы не знаем — вплоть до 1764 г., когда турки начали строить Хаджибейский замок в районе нынешнего Приморского бульвара. Не было ясно, где он точно находился. В 1997 году, после археологического обнаружения остатков его бастиона, этот вопрос оказался решенным — «Гаджибейское гнездо» располагалось почти точно на месте нынешнего Воронцовского дворца.

У Воронцовского дворца, вдоль берегового склона бульвара, по обе стороны от найденного ранее (в 1997 г.) фундамента правого бастиона Хаджибейского замка, были продолжены поиски других его архитектурных остатков. Удалось обнаружить каменную забутовку под фундамент фронтальной стены крепости, а также примыкавший к ней с внутренней стороны узкий ров с остатками деревянных бревен и плах. Остатки этой кладки-забутовки находились к северу от входа в бастион, который был обозначен пяточным камнем. Размещение кладки и рва полностью совпадает с имеющимся

планом Хаджибейского замка, составленного Лафитом-Клаве в 1784 г. и окончательно уточняет, таким образом, его местонахождение. Ныне имеется возможность нанесения плана замка на местность и его последующей реконструкции.

В заполнении описанной кладки найдены две красноглиняные курительные трубки типа «тахта-чубук» с клеймами стамбульских мастеров, фрагменты турецкой поливной керамики и стекла, датируемые второй половиной XVIII в., что соответствует периоду существования Хаджибейского замка в 1764–89 гг.

В слое этого времени также найдено около десятка иных, более ранних черепков. Дадим здесь их краткое описание в целях датировки. Это обломки закрытых сосудов с полосчатым или сетчатым орнаментальным лощением; фрагмент кувшина, покрытого изнутри поливой со слегка отогнутым наружу венчиком, к краю которого крепится уплощенная ручка. Сосуд украшен врезным линейным орнаментом, поверхность ручки заглажена и покрыта светло-желтым ангобом.

Сказанное означает, что найдены фрагменты так назыв. «красно-желтой» ленточной и хозяйственной посуды. Ее принято относить к «золотоордынскому» времени. Один из фрагментов — стенка «красно-желтого» ленточного сосуда с характерным волнообразным орнаментом, нанесенным на сырую глину при помощи многозубчатой гребенки, достоверно датируется серединой XIV в. Это позволяет полагать, что уже тогда здесь действительно находилось небольшое поселение, культурные напластования которого, видимо, были уничтожены в ходе строительства Хаджибейского замка. Таким образом, археологически подтвержден сам факт существования какого-то поселка во второй половине XIV в., возможно, того самого, который основал «татарский» бек Хаджибей после своего поражения от литовского князя Ольгерда под Синими Водами в 1362 году.

Кратко подытожим также и основные стратиграфические наблюдения по результатам ар-